

Иванов Александр Гаврилович

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой новой, новейшей истории
и международных отношений
Кубанского государственного университета
ivanov@kubsu.ru

**ПРОБЛЕМА ЕВРОПЕЙСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В 1939 Г.:
ВЗГЛЯД ИЗ ЛОНДОНА И МОСКВЫ**

Аннотация:

Автор статьи анализирует предвоенный политический кризис в Европе, англо-франко-советские переговоры и внешнеполитические инициативы Великобритании и СССР.

Ключевые слова:

политика умиротворения, безопасность, переговоры, агрессия.

Ivanov Aleksandr Gavrilovich

D.Phil. in History, Professor,
Head of the Modern, Contemporary History
and International Relations Department,
Kuban State University
ivanov@kubsu.ru

**EUROPEAN SECURITY
ISSUE OF 1939:
LONDON AND MOSCOW REGARDS**

The summary:

The author analyses the pre-war political crisis in Europe, British-French-Soviet negotiations, foreign policy initiatives of Great Britain and USSR governments.

Keywords:

policy of appeasement, security, negotiations, aggression.

Европейский кризис 1939 г. до крайности обострил вопрос о войне и мире. После захвата Германией Чехословакии 15 марта стало ясно, что Гитлер не остановится на достигнутом, а будет расширять масштабы германской экспансии. И действительно, уже вскоре Германия предъявила ультиматум Польше в отношении Данцига и аннексировала Мемель (Клайпеду), навязав правительству Литвы соответствующий договор. Под угрозой порабощения оказалась и Румыния, которой нацисты 23 марта навязали кабальный экономический договор, ставивший экономику страны под контроль Третьего рейха. Версальская система международных отношений разваливалась на глазах, а над Европой нависла угроза большой войны.

В условиях острейшего предвоенного кризиса многое, если не все, зависело от позиции великих держав – Великобритании, Франции и СССР. Только при их активном участии и тесном взаимодействии можно было рассчитывать на образование большого антигерманского союза, который мог бы стать надежным барьером на пути фашистской агрессии.

Однако слишком разными оказались подходы руководителей этих стран к проблеме европейской безопасности и способы решения ими вопроса о недопущении войны. В Лондоне и Париже на протяжении нескольких предвоенных лет делали ставку на достижение широкого соглашения с агрессорами – Гитлером и Муссолини в расчете на мирное урегулирование противоречий с фашистскими государствами. Но эта ставка оказалась битой 15 марта 1939 г., когда части вермахта вошли в Прагу. Политика умиротворения потерпела крах, а общественность западных стран, возмущенная действиями Гитлера, требовала от правительств Н. Чемберлена и Э. Даладье смены внешнеполитического курса и принятия решительных мер по пресечению фашистской агрессии. Оппозиция в Англии и во Франции настаивала на переговорах с СССР, полагая, что военно-политический союз с ним поставил бы Германию перед непреодолимыми трудностями. Однако на пути к эвентуальному антигерманскому союзу имелись серьезные препятствия. Западные державы в силу идеологических и политических разногласий с СССР не желали тесных отношений с ним и предпочитали сближение с Польшей и некоторыми другими странами Восточной Европы. К этому их подтолкнула информация, поступавшая в Лондон с середины марта 1939 г., что Германия в ближайшее время нападет на Польшу и Румынию [1, р. 24]. Подчинение этих стран диктату Гитлера низвело бы Великобританию и Францию до положения второразрядных государств. Так на свет появились англо-французские гарантии Польше и Румынии (а также Греции и Турции). Инициатором гарантий выступила Великобритания.

31 марта Чемберлен, выступая в палате общин парламента, заявил о предоставлении гарантии Польше. 13 апреля английские гарантии получили Румыния и Греция, а в мае – Турция. Примеру Великобритании последовала Франция.

Франция в силу разных причин следовала в фарватере британской внешней политики. Она попала в стратегическую зависимость от Великобритании задолго до Второй мировой войны. Ликвидация Гитлером Чехословакии и распад Малой Антанты заметно усилили эту зависимость, и на протяжении европейского кризиса 1939 г. Франция поддерживала все инициативы английского правительства.

В вопросе о гарантиях западные державы были непоследовательными. Они гарантировали независимость стран Восточной Европы, но не их границы. Это давало возможность руководителям Англии и Франции при необходимости ставить вопрос о ревизии границ восточноевропейских стран в пользу Германии. Особое место в этом смысле отводилось Данцигу. Англичане ошибочно считали Данциг яблоком раздора между Германией и Польшей и предприняли в канун Второй мировой войны немало усилий для урегулирования данцигской проблемы. Но для Гитлера Данциг служил лишь удобным предлогом для вмешательства во внутренние дела Польши и нагнетания напряженности в

отношениях с ней. 3 апреля 1939 г. фюрер издал директиву о подготовке германских войск к нападению на Польшу, а 11 апреля он подписал план «Вайс» – план военного разгрома Польши.

Подлинный смысл гарантий проясняет меморандум английских начальников штабов «Военное значение гарантий Польше и Румынии» от 3 апреля 1939 г. В нем содержался анализ соотношения сил противостоявших сторон. Сухопутная армия Германии оценивалась в 105–110 дивизий, из которых 77–80 признавались пригодными для проведения операций на фронте (эти цифры оказались преувеличенными). Франция могла выставить в течение месяца с начала войны 86 дивизий, не считая десяти в Северной Африке и четырех, полученных в ходе мобилизации, а Великобритания отправить в Европу 2 дивизии.

Вооруженные силы Польши оценивались в 48 пехотных дивизий и 20 кавалерийских бригад, а Румынии – в 22 пехотные, 3 кавалерийские дивизии и 3 горные бригады. Но поскольку в Румынии всего 2 военных завода, она была не в состоянии обеспечить свою армию вооружением.

Выводы, к которым пришли начальники штабов, звучали крайне тревожно: «Если Германия предпримет основное наступление на Восток, мало сомнений в том, что она сможет оккупировать Силезию и «польский коридор». Если она продолжит наступление в Польше, потребуется лишь некоторое время для уничтожения Польши... Ни Англия, ни Франция не в состоянии оказать прямую помощь Польше или Румынии на море, на суше или в воздухе для противодействия германскому вторжению. Более того, учитывая состояние английских и французских вооружений, ни Англия, ни Франция не могут обеспечить вооружениями Польшу или Румынию. Это подчеркивает важность получения помощи от СССР» [2, р. 174]. Таким образом, гарантии не имели реального содержания и предназначались для успокоения общественности и сдерживания Гитлера. Но последнее было более чем проблематичным: в конце апреля 1939 г. фюрер расторг германо-польскую декларацию о неприменении силы и военноморское соглашение с Англией 1935 г. Таким был его жесткий ответ на англо-французские гарантии странам Восточной Европы.

Что касается сотрудничества Великобритании и Франции с СССР, на необходимость которого указывали английские начальники штабов, то оно по-разному воспринималось членами кабинета Чемберлена. Премьер-министр и его ближайшее окружение (министр иностранных дел лорд Галифакс, министр по координации обороны лорд Чэтфилд и др.) считали возможным привлечь СССР в качестве поставщика военных материалов для Польши и Румынии в случае агрессии Германии против них. К тому же они невысоко оценивали советский оборонный потенциал, что ставило под сомнение возможность сотрудничества стран Запада и СССР. Некоторые члены английского кабинета, например, министр внутренних дел С. Хор, наоборот, признавали необходимость тесного взаимодействия Англии с Советским Союзом.

Советское правительство не устраивал сомнительный вариант односторонней помощи Польше и Румынии без гарантированной взаимной помощи со стороны других держав. Оно прохладно отнеслось и к англо-французским гарантиям странам Восточной Европы, считая не без оснований, что гарантии должны быть дополнены военными соглашениями. СССР предлагал более широкую антигерманскую комбинацию с участием трех великих держав и восточноевропейских стран, имевших общую границу с Советским Союзом. Но Великобритания не желала связывать себе руки твердыми обязательствами и отдавала предпочтение Польше, а не СССР.

Об отношении Чемберлена и членов его правительства к сотрудничеству с СССР можно судить по протоколу заседания кабинета от 27 марта 1939 г. Премьер-министр заявил: «Наши попытки создать фронт против германской агрессии будут, скорее всего, обречены в случае привлечения к нему России». Он мотивировал это тем, что значительное число потенциальных союзников Великобритании настроено против участия СССР в антигерманском блоке; его образование укрепит Антикоминтерновский пакт, затруднит действия британской дипломатии по нормализации отношений с Италией и Японией и возбудит недовольство Испании, Португалии и ряда государств Латинской Америки.

Но отказ от ассоциации с Россией вызовет подозрения в лагере левых как в Англии, так и во Франции, хотя, с другой стороны, упор на такую ассоциацию «сведет на нет возможность образования мощного объединенного фронта против германской агрессии. В этих условиях мне представляется, что должен быть найден какой-то альтернативный курс; нам следует сосредоточиться на ... Румынии». Чемберлен предложил выяснить готовность Польши и Румынии к взаимному военному сотрудничеству и, если такая готовность будет продемонстрирована, подкрепить ее обещанием помощи со стороны Великобритании и Франции. Он откровенно заявил, что «этот план исключает Россию. Мы должны объяснить ей <России>, что возражения на этот счет исходят не от нас, а от других, и предложить заключить секретное соглашение между Россией и Англией, по которому Россия ... пришла бы на помощь Польше и Румынии в случае вовлечения этих стран в войну с Германией. Франко-советский пакт <о взаимопомощи от 2 мая 1935 г.> можно было бы использовать для реализации этой схемы». Лорд Галифакс поддержал премьер-министра: «Польша является более ценной величиной», чем Россия. Он отметил, что французское правительство не проявляет особой заинтересованности в сотрудничестве с СССР, но придает большое значение участию Польши в антигерманском блоке. В таком же духе высказался и министр по координации обороны лорд Чэтфилд: «С военной точки зрения Польша, вероятно, наилучший из потенциальных восточных союзников, а Россия может стать более серьезным сдерживающим фактором для Германии».

Осторожную позицию в данном вопросе занял министр внутренних дел С. Хор. «Исключение России, – заявил он, – будет расценено в кругах общественности как существенная неудача нашей политики». И далее: «Россия – непобедима, как показывает опыт, и она – хороший сдерживающий фактор <для

Германии»». Хор предложил параллельно с сотрудничеством с Польшей установить контакты с СССР. Лорд Галифакс не отверг этого, но подчеркнул необходимость модифицировать франко-советский пакт о взаимопомощи, то есть вычленив из него «некоторые стеснительные статьи». Кабинет одобрил линию Чемберлена – Галифакса на углубление сотрудничества с Польшей и Румынией и выработку вариантов по привлечению СССР для поддержки этих стран в случае германской агрессии [3, р. 237–238]. 29 марта на заседании кабинета Галифакс подчеркнул, что желательно «получить от России как можно больше помощи. Главное – провести это, не потеряв поддержки Польши» [4, р. 251]. Таким образом, английское правительство делало предпочтительную ставку на Польшу и рассматривало СССР как поставщика военных материалов для стран Восточной Европы, оказавшихся под прицелом нацистов.

В связи с этим определенным интересом представляется оценка Красной Армии английским военным атташе в Берлине полковником Р. Файербрейсом (именно на нее сослался лорд Галифакс на заседании кабинета 27 марта). В меморандуме от 6 марта он записал, что СССР может мобилизовать в течение трех месяцев и выставить на свой западный фронт 100 пехотных (стрелковых) и 30 кавалерийских дивизий; на вооружении у него находятся 9 000 танков и 4 000–5 000 самолетов (из них в западной части страны 3 300). Полковник отметил отрицательные последствия для Красной Армии репрессий среди ее командного состава, но все же признал, что армия «будет представлять серьезное препятствие для нападающей стороны. В наступательной войне она, возможно, сможет продвинуться на территорию Польши». Гораздо менее оптимистичной была оценка советских ВВС, которые «способны проводить лишь незначительные наступательные операции против Германии, если не будет обеспечена координация усилий с Польшей» [5, р. 194–197].

В свете данного документа (а его основные положения разделялись начальниками штабов британских вооруженных сил) становится понятным скепсис руководителей Англии относительно оборонного потенциала СССР, подкрепленный к тому же политическими и идеологическими разногласиями между двумя странами.

Менее понятна завышенная оценка англичанами вооруженных сил Польши – 50 достаточно боеспособных дивизий [6, р. 238]. Видимо, здесь сказался чрезмерный оптимизм руководителей Польши, которые переоценили польскую армию и недооценили реальность военной угрозы со стороны Германии. В Варшаве слишком понадеялись на германо-польскую декларацию 1934 г. о неприменении силы. К тому же (и этот фактор являлся решающим) армия Польши по технической оснащенности заметно уступала вермахту. Ее модернизация проведена не была. Пехота составляла 57 %, а авиация и танковые войска соответственно 2,5 % и 2,3 % [7, с. 14]. В этих условиях исключительное значение для Польши приобретал вопрос о надежных и сильных союзниках, способных прийти к ней на помощь в случае необходимости.

Одним из таких союзников могла стать Великобритания. Она не была заинтересована в укреплении Германии за счет Польши и Румынии и ставила вопрос о политическом союзе с ними. Отсюда решение английского правительства предоставить гарантии независимости этим странам.

Двойственность позиции Великобритании в 1939 г. проявилась не только в вопросе о гарантиях, но также в подходах правительства к решению проблемы европейской безопасности. На протяжении всех предвоенных лет концепция обороны Британии и империи отводила сухопутным войскам последнее место в числе приоритетов. Главным являлось господство Англии на море; большое значение придавалось защите метрополии, в том числе с воздуха с учетом стремительного развития люфтваффе, третье место отводилось «поддержанию сил для обороны английских владений», а последнее, четвертое место занимала «кооперация по обороне с возможными союзниками». Экспедиционный корпус для отправки в Европу состоял всего из двух дивизий, которые планировалось переправить на континент в течение трех месяцев с начала войны [8, р. 271–274]. Такая ограниченная роль британских сухопутных войск была не случайной, она проистекала как из неподготовленности армии, так и из общей установки умиротворителей на отказ от участия Англии в европейской войне и решения спорных с агрессорами проблем посредством оформления с ними приемлемого соглашения.

Но жесткие реалии предвоенной Европы опрокинули расчеты англичан. Чехословацкий кризис и Мюнхенское соглашение 1938 г. продемонстрировали слабость и нерешительность правительств Чемберлена и Даладье, их готовность идти на серьезные односторонние уступки агрессору. Эти проявления малодушия лишь стимулировали Гитлера и способствовали расширению экспансии Германии.

В условиях острейшего кризиса 1939 г. английское правительство было вынуждено принять дополнительные меры по укреплению обороноспособности страны. В апреле впервые в истории Англии мирного времени была введена воинская повинность, хотя первый контингент был призван лишь в августе 1939 г. Был создан специальный комитет по ускорению программы вооружений, увеличивалось количество территориальных дивизий с 13 до 26, а сухопутные войска – до 32 дивизий. Но эта программа планировалась минимум на год, так что к началу Второй мировой войны она не была реализована.

Медлительность в развертывании английских вооруженных сил можно объяснить несколькими причинами. Великобритания находилась в гораздо более безопасном положении по сравнению с Францией или другими континентальными странами – потенциальными жертвами агрессии со стороны Германии. К тому же она обладала неоспоримым превосходством на море, которое немцам было не под силу поколебать. Угроза Британским островам с воздуха была более реальной, учитывая мощь люфтваффе: в 1938 г. в Германии было произведено 5 235 самолетов всех типов, а в Англии – 2 827. Через год Англия благодаря принятым энергичным усилиям почти сравнялась с Германией: если немцы выпустили 8 295 самолетов, то англичане – 7 840 [9, р. 21]. К тому же в Англии в стадии разработки и внедрения находилась система радаров – техническое новшество, которое внесло весомый вклад во время беспримерного воздушного сражения над Британскими островами в 1940 г. – Битвы за Англию.

Непоследовательность английского правительства в преддверии Второй мировой войны можно объяснить также и тем, что Чемберлен и его окружение не отказались полностью от политики умиротворения. Конечно, возврат к Мюнхену был невозможен с учетом акции Германии против Чехословакии, но надежда (как оказалось, иллюзорная) договориться с Гитлером по спорным проблемам и тем самым не допустить вовлечения Англии в большую войну сохранилась. Так, 3 мая 1939 г. на заседании кабинета обсуждался вопрос о желательности возобновления контактов с Германией. Чемберлен и лорд Галифакс выразили уверенность в том, что Гитлер интересуется прежде всего Восточной Европой, поэтому Англия при известных обстоятельствах может уклониться от гарантии Польши. Гарантия, подчеркнул министр иностранных дел, предоставлена на случай, если «независимость Польши окажется под открытой угрозой», и это дает правительству возможность решать вопрос о помощи Польше по собственному усмотрению [10, с. 258].

Польский вопрос из-за агрессивных приготовлений нацистской Германии приобрел тогда ключевое значение. В Лондон все чаще поступала информация о твердом намерении Гитлера разрешить его силою оружия. 27 июня 1939 г. главный дипломатический советник правительства Р. Ванситтарт представил меморандум, в котором со ссылкой на немецкие источники указал, что Германия осуществит вторжение в Польшу не позднее сентября. Оставшееся до этого время Гитлер использует для нагнетания напряженности в Европе и запугивания своих противников. Вермахт планируется привести в состояние полной боеготовности к 27 августа. «Из сказанного выше, – резюмировал Ванситтарт, – очевидно: Гитлер убежден в том, что подчинение Польши может быть достигнуто в лучшем случае при помощи блефа, угроз и демонстрации силы, а в худшем – путем развязывания быстротечной войны» [11, с. 179].

Но война с Германией из-за Польши не входила в расчеты англичан, поэтому в ходе секретных англо-германских переговоров, проходивших в июне – августе 1939 г., немалое место отводилось Данцигу, этому, как считали члены кабинета Чемберлена, яблоку раздора между Германией и Польшей. Переговоры приобрели широкий размах, осуществлялись по максимально возможному в условиях надвигавшейся европейской войны каналам. Официальный Лондон установил связь с руководством рейха через шведских промышленников А. Веннер-Грена и Б. Далеруса, верховного комиссара Лиги Наций в Данциге К. Буркхардта, князя М. Гогенлоэ, а также через Муссолини и Ватикан.

На переговорах с представителями германского правительства обсуждались различные вопросы: экономическое и финансовое сотрудничество двух стран, заключение англо-германского пакта о ненападении и, соответственно, отказ Великобритании от гарантии независимости Польши, установление колониального кондоминиума в Африке, совместная эксплуатация рынков Китая, СССР, колоний европейских стран. Восточная и Юго-Восточная Европа рассматривалась эmissарами английского правительства как «естественная экономическая сфера» Германии; они не возражали против усиления ее позиций в регионе, но при условии, что Англии будет обеспечена там «разумная доля» [12, р. 299].

Но к глубокому разочарованию членов правительства Чемберлена договориться с представителями Третьего рейха по спорным проблемам не удалось. Противоречия между Англией и Германией наряду с соперничеством Германии с Францией являлись наиболее острыми внутри системы империализма, и их было невозможно урегулировать мирным путем. Мир к тому времени уже раскололся на две противостоявшие друг другу антагонистические группировки. Эпоха дипломатических переговоров уходила в прошлое. Европа стояла на пороге большой войны.

Вопрос о войне и мире волновал тогда и руководство СССР. Советское правительство придерживалось политики коллективной безопасности, но она себя не оправдала и давала сбои. Со всей очевидностью это проявилось в 1938 г., в год аншлюса Австрии и Мюнхенского соглашения. В ходе чехословацкого кризиса Великобритания и Франция сознательно подвергли СССР остракизму, не желая сотрудничать с ним и отвергая тем самым идею коллективной безопасности. Их упорное стремление во что бы то ни стало договориться с Гитлером посредством передачи ему Судетской области Чехословакии вызывало растущее раздражение у Сталина, который усматривал в политике умиротворения ярко выраженную антисоветскую направленность. Косвенно Мюнхенское соглашение подорвало позиции наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова, который придерживался прозападной ориентации. С учетом уроков Мюнхена для Сталина стало очевидным, что необходимо внести серьезные коррективы в советскую внешнюю политику. Первым сигналом в этом смысле явилась вынужденная отставка Литвинова 3 мая 1939 г. Его на посту наркома сменил один из ближайших соратников Сталина В.М. Молотов.

Отставка Литвинова означала удар по политике коллективной безопасности. В столицах европейских стран циркулировали слухи о возможном резком изменении внешнеполитического курса СССР. Так, 6 мая из английского посольства в Ватикане поступило сообщение со ссылкой на надежный источник, что «Италия выступает в качестве посредника на переговорах между Германией и Россией» и соглашение между ними «уже достигнуто и вскоре будет опубликовано». 8 мая английский посол в Берлине Н. Гендерсон подтвердил эти сведения, уточнив, что речь идет о советско-германском пакте о ненападении [13, р. 107, 112].

Впрочем, англичане отнюдь не были склонны принимать любое сообщение такого рода за чистую монету. Они понимали – подобные слухи выгодны прежде всего Гитлеру, заинтересованному в срыве англо-франко-советских переговоров, разобщении реальных и потенциальных противников Германии. И все же ситуация представлялась непредсказуемой, чреватой любыми зигзагами и колебаниями. Эти настроения выразил помощник постоянного заместителя министра иностранных дел О. Сарджент в памятной записке от 5 мая: «Перспектива мрачная. В советской политике возможна

тенденция к изоляционизму». Он не исключил вероятности сближения СССР с Германией, а Молотову дал нелестную характеристику человека «грубого и невежественного». Предполагалась замена его со временем В.П. Потемкиным (заместитель Литвинова, и этот вариант был предпочтительным для англичан) или А.А. Ждановым («наиболее неприемлемый кандидат со всех точек зрения») [14, р. 14].

В.М. Бережков, бывший долгие годы переводчиком Сталина, считал, что «именно тогда Сталин... задумался над тем, нельзя ли полюбовно договориться с фюрером» [15, с. 21]. Литвинов считался сторонником коллективной безопасности и сотрудничества СССР с Западом. Однако с точки зрения Сталина, поведение западных держав на переговорах с СССР не давало каких-либо оснований рассчитывать на их успешное завершение на условиях Москвы. С учетом присущей Сталину подозрительности, уроков Мюнхена решение кремлевского диктатора отправить в отставку Литвинова не выглядело нелогичным.

Фонды Государственного архива Великобритании содержат интересные донесения от различных источников относительно характера советско-германских контактов после отставки Литвинова. Так, 17 мая в Форин оффис поступила информация от английской агентуры в германском генеральном штабе: «Гитлер ведет переговоры с Россией через генерала Сыровы <в прошлом председатель правительства и министр обороны Чехословакии>. Он стремится к замирению и союзу с Россией». В качестве платы за такой союз Гитлер согласен на раздел Польши и готов оказать поддержку (включая и военную) в возвращении Бессарабии и установлении контроля России над Босфором и Дарданеллами. Более того, Германия готова «оказать военную помощь России в случае ее вторжения в Индию». Далее указывалось, что Гитлер рассматривает союз с Россией как необходимую предпосылку для нанесения удара по Британской империи. «Захват Польши, Румынии и Балкан – это предварительная работа. После этого вся германская мощь будет развернута против Запада. Германский генеральный штаб спешно разрабатывает планы войны против Бельгии, Голландии и Дании (помимо планов против Польши и Румынии)». В заключение отмечалось, что Сталин отнесся к данным предложениям «довольно сдержанно» [16, р. 45–46].

В Берлине отставку Литвинова восприняли совершенно иначе, чем в столицах западных держав. Вот что заявил заместитель директора отдела печати МИД Германии Б. фон Штумм представителю ТАСС И.Ф. Филиппову: «Уход Литвинова, пользующегося репутацией главного вдохновителя международных комбинаций, направленных против Германии, сможет благоприятно отразиться на советско-германских отношениях» [17].

Отставка Литвинова негативно повлияла на ход англо-франко-советских переговоров, хотя внешне все обстояло, казалось бы, благополучно: предложения СССР, датированные маем 1939 г., ничем не отличались от «литвиновских» [18, с. 395]. И все же взаимная подозрительность усилилась, на какие-то уступки стороны не соглашались. Вот, что, в частности, заявил Чемберлен членам правительства 5 мая: «Было бы неверным брать на себя какие-либо твердые обязательства в настоящий момент, когда мы точно не знаем, означает ли отставка Литвинова смену советского внешнеполитического курса» [19, р. 204]. В Лондоне не отказались от идеи возобновления диалога с Берлином, хотя оснований для оптимизма у англичан было гораздо меньше, чем во время Мюнхена.

Между тем англо-франко-советские переговоры зашли в тупик в начале июля 1939 г. Сторонам не удалось договориться по вопросу об определении «косвенная агрессия». На начальной стадии переговоров Великобритания и Франция отказывались предоставить гарантии Прибалтийским странам, граничившим с СССР, на чем настаивала советская сторона. Одной из причин этого было нежелание Англии брать на себя дополнительные обязательства. Однако обстановка в Европе накалялась, и западные державы вынужденно согласились предоставить гарантии Латвии, Эстонии и Финляндии, но лишь в случае прямой германской агрессии против них. Но и такой вариант не устраивал советское руководство, так как не обеспечивал защиту этих стран от насилия со стороны Германии; ведь и Австрия, и Чехословакия были ликвидированы Гитлером в результате не прямой, а косвенной агрессии. Споры вокруг определения «косвенная агрессия» подчеркнули глубину разногласий сторон в вопросе о мире и безопасности в Европе. Это подтверждает памятная записка Чемберлена, представленная кабинету 4 июля 1939 г. Она как бы подытожила этап политических переговоров Великобритании, Франции и СССР. Премьер-министр предложил следующее:

«1. Отказаться от гарантий Прибалтийским государствам.

2. Дать понять <правительству СССР>, что наша гарантия распространяется только на случай прямой германской агрессии против России, откуда бы она не исходила. Поскольку Советы настаивают на придании договору оборонительного характера, они, несомненно, не могут рассчитывать на проведение наступательных операций.

3. На этом я буду настаивать, но, если в ответ нам заявят, что безопасность России может оказаться под угрозой в ходе оккупации какого-либо буферного государства, не оказавшего сопротивления, все же я мог бы согласиться на следующую договоренность:

В случае агрессии со стороны какой-либо европейской державы против государства, безопасность которого представлялась бы важной для одной из договаривающихся сторон, они немедленно приступят к консультациям... Если после анализа возникшей ситуации их мнения совпадут, они окажут всю посильную помощь и поддержку той стране, которая будет вовлечена в войну с агрессором» [20, р. 177]. Однако предложение, сделанное Чемберленом консультации, конечно, не заменяли военного соглашения, от которого Великобритания и Франция отказывались; к тому же достижение консенсуса между тремя державами было весьма проблематичным.

Таким образом, ход тройственных переговоров продемонстрировал нежелание сторон соглашаться на разумный компромисс с целью пресечения разрастающейся фашистской агрессии. В большей степени оно было присуще Великобритании, которая с упорством, достойным лучшего применения, стремилась навязать СССР свою схему договора о взаимопомощи. Первоначальный вариант не обеспечивал должной безопасности Союза; более того, его реализация при определенных условиях могла привести к столкновению СССР с Германией без получения взаимной помощи от Англии и Франции. С точки зрения англичан (французы были солидарны с ними практически по всем вопросам), важен был сам ход переговоров, в противном случае возможности советско-германского сближения неизмеримо усиливались.

Но и более поздний проект соглашения, предложенный Западом СССР, не был осуществлен. Споры вокруг определения «косвенная агрессия» лишь подчеркнули глубокое предубеждение сторон друг к другу, их приверженность сугубо классовым интересам в ущерб общечеловеческим ценностям.

Еще меньше шансов на успех было у участников переговоров военных миссий трех великих держав в августе 1939 г. Великобритания и Франция оправдали свои миссии в Москву окружным путем – морем, что объясняется их нежеланием ссориться с Гитлером (именно поэтому они отказались от поездки миссий транзитом через Германию) и незаинтересованностью в быстром и успешном завершении переговоров. Это подтверждает и содержание правительственной инструкции для английской военной миссии: «Вести переговоры очень медленно; к русским относиться сдержанно» и не передавать им никакой конфиденциальной информации, поскольку отсутствует политическое соглашение; воздерживаться от обсуждения вопросов совместной стратегии на Западе и в Средиземном море и т.д. [21, р. 763]. Аналогичным образом была проинструктирована и французская миссия.

Для официального Лондона московские переговоры имели смысл с точки зрения недопущения сближения СССР с Германией; к тому же слишком сложной была ситуация в Европе в канун Второй мировой войны. Дополнительный свет на английскую позицию проливает протокол заседания внешнеполитического комитета правительства от 10 июля 1939 г. Так, Чемберлен заявил, что в случае отказа от советского предложения о проведении штабных переговоров правительство столкнется с «бесчисленными трудностями», хотя лично ему оно «совершенно не нравится». Премьер-министра поддержал лорд Галифакс: «Когда начнутся военные переговоры, большого прогресса не будет. Переговоры будут тянуться бесконечно долго, и в конце концов каждая из сторон согласится принять обязательства общего характера. В таком случае мы выиграем время и к своей выгоде используем ту ситуацию, из которой сейчас нет выхода». Министр по координации обороны лорд Чэтфилд заметил: «Заключение военного соглашения с Россией может оказаться очень трудным делом. До сих пор мы не имели подобного соглашения с какой-либо страной, и крайне важно просчитать все возможные варианты действий на море, на суше и в воздухе, на которые мы и французы можем согласиться» [22, р. 153, 160–161].

Ключевым вопросом московских переговоров являлся вопрос о проходе советских войск через территорию Польши или Румынии. Английские начальники штабов в докладе правительству от 16 августа настоятельно рекомендовали в кратчайшие сроки решить этот вопрос положительно: «Без быстрой и эффективной русской помощи поляки не имеют надежд на то, чтобы выдержать наступление на суше и в воздухе продолжительное время. Это же относится и к румынам, за тем исключением, что это время будет для них еще более ограниченным».

Вывод начальников штабов был категоричен: «Заключение договора с Россией представляется нам лучшим средством предотвращения войны. Успешное заключение этого договора будет, без сомнения, поставлено под угрозу, если выдвинутые русскими предложения о сотрудничестве с Польшей и Румынией будут отклонены этими странами» [23, с. 77].

Но Чемберлена занимали вопросы не столько военно-стратегического, сколько политического характера. Он был убежден в том, что умиротворение себя еще не исчерпало и до тех пор, пока остается хоть малейшая возможность разрешить спорные с Гитлером проблемы мирным путем, не следует ею пренебрегать. Конфронтация с Германией (а умиротворители считали, что ассоциация с Россией может повлечь за собой вооруженный конфликт с рейхом) не только означала бы крах всей политики Чемберлена, но и втянула бы Великобританию и ее империю, выражаясь словами У. Черчилля, «наихудшим путем в наихудшую из всех войн». Кроме того, в Лондоне полагали, что серьезный отпор Германии при активном участии СССР неизбежно приведет к повсеместному и неудержимому распространению идей коммунизма. Отсюда, в частности, нежелание британского руководства оказывать давление на Польшу и Румынию, как того требовали начальники штабов, для разрешения вопроса о проходе советских войск через их территорию.

Этот ключевой вопрос московских переговоров так и не был решен, хотя их неудачный исход был вполне закономерным. Отсутствие политического соглашения между Великобританией, Францией и СССР делало заключение военной конвенции крайне проблематичным. К тому же слишком разным оказалось восприятие реалий предвоенной Европы в Лондоне и Москве. Правительство Чемберлена вплоть до нападения Германии на Польшу пыталось через различные дипломатические каналы урегулировать проблему Данцига. Но Гитлер давно уже потерял интерес к мирному разрешению спорных проблем. Он твердо нацелился на победоносную войну с Польшей, и для него гораздо более важной являлась позиция СССР, нежели Англии. Отсюда настойчивые усилия германской дипломатии обеспечить нейтралитет СССР в войне Германии против Польши.

В историографии присутствуют разные, подчас диаметрально противоположные, оценки советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. Некоторые историки считают, что Сталин

использовал переговоры с Англией и Францией в качестве ширмы для прикрытия сговора с Гитлером. Однако по свидетельству адмирала Н.Г. Кузнецова, участника московских переговоров военных миссий трех великих держав, до 16 августа советское правительство не приняло окончательного решения [24, с. 255]. На такое решение повлияла не только настойчивость германской стороны и многообещающие предложения Гитлера (половина Восточной Европы предлагалась СССР в качестве сферы его интересов), но и неудача тройственных переговоров.

Сталина не устраивала перспектива затягивания переговоров на неопределенное время. Бои с японцами на Халхин-Голе еще продолжались, а в Европе быстро сгущались тучи войны. Активность британских дипломатов в поисках мирного компромисса с Германией за счет Польши была ему известна, и это еще больше раздражало и нервировало его. В конечном счете Гитлер предложил ему нечто реальное и осязаемое и, с точки зрения генсека, было бы глупо и безрассудно не воспользоваться всем этим.

Советско-германский пакт о ненападении подвел финишную черту под политикой коллективной безопасности. По-своему лицемерным являлось заявление Молотова о том, что «некоторое время спустя, например через неделю, переговоры с Францией и Англией могли быть продолжены» [25, т. 1, с. 386]. Через неделю Европа уже погружалась в хаос войны, а правительства западных держав поспешно и лихорадочно изыскивали подходящие варианты урегулирования польского вопроса.

Разграничение сфер интересов Германии и СССР по секретному протоколу и пакту было наглядным подтверждением краха курса на обуздание агрессоров и может рассматриваться как циничная сделка двух диктаторов. С тех пор вплоть до 22 июня 1941 г. Сталин осуществлял собственную политику умиротворения нацистской Германии.

Уроки европейского кризиса 1939 г. позволяют сделать следующие выводы. В силу разных причин восприятие мира и безопасности в Европе в Лондоне и Москве оказалось совершенно разным. Несмотря на крах политики умиротворения, правительство Чемберлена не отказалось полностью от идеи замирения с Гитлером. Однако Гитлер уже перешел Рубикон, его не устраивали сделки по типу Мюнхенского соглашения. Он твердо нацелился на победоносную войну против Польши и поэтому отвергал любое половинчатое решение польского вопроса. Для него гораздо важнее было обеспечить нейтралитет СССР в преддверии войны. Что касается англо-франко-советских переговоров, то они были обречены на неуспех. Мюнхен и мюнхенская политика западных держав не прошли бесследно, и Сталин весьма настороженно относился к любым предложениям Лондона и Парижа. К тому же эти предложения, так или иначе, ущемляли интересы СССР или обеспечивали ему неравные условия. В этом смысле поворот Сталина в сторону Германии был неизбежным, хотя советское правительство не приняло окончательного решения вплоть до середины августа 1939 г. Антигитлеровская коалиция появилась лишь после 22 июня 1941 г., и ей было суждено, при решающей роли СССР и его вооруженных сил, разгромить Германию и ее союзников и спасти человечество от фашистского порабощения.

Ссылки:

1. Public Record Office (Государственный архив Великобритании). FO 371/22968. (далее – PRO).
2. PRO. FO 371/22969.
3. PRO. FO 371/22968.
4. Ibid.
5. Documents on British Foreign Policy 1919 – 1939. Third Series. London, 1951. Vol. 4. (далее – DBFP).
6. PRO. FO 371/22968.
7. Парсаданова В. С. Трагедия Польши в 1939 г. // Новая и новейшая история. 1989. № 5.
8. PRO. CAB 24/273.
9. Overy R. J. The Air War 1939–1945. London, 1980.
10. Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1989.
11. Иванов А.Г. Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. М., 1993.
12. PRO. FO 371/22990.
13. PRO. FO 371/22972.
14. PRO. FO 371/23685.
15. Бережков В. Рядом со Сталиным. М., 1998.
16. PRO. FO 371/22972.
17. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 66. Л. 13.
18. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971.
19. PRO. FO 371/23065.
20. PRO. FO 371/23069.
21. DBFP. Third Series. London, 1953. Vol. 6.
22. PRO. FO 371/23070.
23. Ржешевский О.А. Москва, Спиридоновка, 17 // Военно-исторический журнал. 1989. № 7.
24. Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938-1939. М., 1991.
25. История внешней политики СССР 1917–1985. М., 1986.

References (transliterated):

1. Public Record Office (State Archives of the UK). FO 371/22968. (hereinafter – PRO).
2. PRO. FO 371/22969.
3. PRO. FO 371/22968.
4. Ibid.
5. Documents on British Foreign Policy 1919 – 1939. Third Series. London, 1951. Vol. 4. (hereinafter – DBFP).
6. PRO. FO 371/22968.
7. Parsadanova V. S. Tragediya Pol'shi v 1939 g. // Novaya i noveyshaya istoriya. 1989. No. 5.
8. PRO. CAB 24/273.
9. Overy R. J. The Air War 1939–1945. London, 1980.
10. Sipols V. Y. Diplomaticheskaya bor'ba nakanune vtoroy mirovoy voyny. M., 1989.
11. Ivanov A. G. Agressory i umirotvoriteli. Gitler, Mussolini i britanskaya diplomatiya. M., 1993.
12. PRO. FO 371/22990.
13. PRO. FO 371/22972.
14. PRO. FO 371/23685.
15. Berezhkov V. Ryadom so Stalinym. M., 1998.
16. PRO. FO 371/22972.
17. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii. F. 06. Op. 1. P. 7. D. 66. L. 13.
18. SSSR v bor'be za mir nakanune vtoroy mirovoy voyny (sentyabr' 1938 g. – avgust 1939 g.). Dokumenty i materialy. M., 1971.
19. PRO. FO 371/23065.
20. PRO. FO 371/23069.
21. DBFP. Third Series. London, 1953. Vol. 6.
22. PRO. FO 371/23070.
23. Rzheshevskiy O. A. Moskva, Spiridonovka, 17 // Voennno-istoricheskij zhurnal. 1989. № 7.
24. Flyayshkhauer I. Pakt. Gitler, Stalin i initsiativa germanskoy diplomatii 1938-1939. M., 1991.
25. Istoriya vneshney politiki SSSR 1917–1985. M., 1986.